

Ларина Елена Александровна

доцент, к.пед.н., к.ю.н., доцент

ТФ АНОВО «РосНОУ»

Larina Elena Alexandrovna

associate Professor, Candidate of Sciences,

PhD, PhD, Associate Professor

ANOVO TF «RosNOU»

**ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ:
СИСТЕМНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ЛИЧНОСТИ
THE ACCUSATORY BIAS OF RUSSIAN JUSTICE: SYSTEMIC VIOLATIONS
OF THE PROCEDURAL GUARANTEES OF THE INDIVIDUAL**

Аннотация. В статье анализируются проблемы реализации конституционных гарантий прав и свобод человека в судебной системе Российской Федерации. На основе анализа решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде выявляются системные нарушения процессуальных гарантий: крайне низкая доля оправдательных приговоров (0,3–0,5%), обвинительный уклон судов, формальный характер судебного контроля за следственными действиями. Особое внимание уделяется проблемам доступа к правосудию для социально незащищённых категорий граждан, перегруженности судебной системы и неравенству сторон в процессе. Автор демонстрирует разрыв между декларируемыми конституционными стандартами и реальной правоприменительной практикой, а также рассматривает последствия утраты значения решений ЕСПЧ для национальной системы защиты прав человека. Предлагаются пути совершенствования механизмов судебной защиты с учётом зарубежного опыта.

Abstract. The article analyzes the problems of the implementation of constitutional guarantees of human rights and freedoms in the judicial system of the Russian Federation. Based on the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court, systemic violations of procedural guarantees are revealed: an extremely low proportion of acquittals (0.3–0.5%), the accusatory bias of the courts, the formal nature of judicial control over investigative actions. Special attention is paid to the problems of access to justice for socially vulnerable categories of citizens, the overload of the judicial system and the inequality of the parties in the process. The author demonstrates the gap between the declared constitutional standards and real law enforcement practice, and also examines the consequences of the loss of significance of the ECHR decisions for the national human rights protection system. Ways of improving judicial protection mechanisms are proposed, taking into account foreign experience.

Ключевые слова: Права человека, судебная защита, презумпция невиновности, состязательность процесса, обвинительный уклон, доступ к правосудию, судебный контроль, заключение под стражу, недопустимые доказательства, компенсация морального вреда, Европейский суд по правам человека (до марта 2022).

Keywords: Human rights, judicial protection, presumption of innocence, adversarial process, accusatory bias, access to justice, judicial control, detention, inadmissible evidence, compensation for moral damage, European Court of Human Rights (until March 2022).

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила права и свободы человека в качестве высшей ценности, а их защиту – в качестве обязанности государства. Однако декларативные нормы приобретают реальное значение только тогда, когда они реализуются в деятельности конкретных правоприменительных институтов, прежде всего – судебной власти. Именно в правосудии сталкиваются интересы личности и государства, и именно здесь наиболее остро проявляются проблемы обеспечения прав и свобод.

Важность и необходимость научного обсуждения заявленной проблемы связана не только с традиционно высоким уровнем обращений граждан в суды за защитой, но и сохраняющимися системными нарушениями в уголовном и гражданском судопроизводстве. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2024 год судами общей юрисдикции было рассмотрено более 1,2 млн уголовных дел в отношении 1,1 млн лиц [1]. При этом доля оправдательных приговоров остаётся на уровне 0,3–0,5% от числа осуждённых, что многократно ниже аналогичных показателей в странах с развитой правовой системой. Такая статистика ставит вопрос о реальной доступности правосудия и эффективности механизмов защиты от обвинительного уклона.

Кроме того, в последние годы Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неоднократно обращали внимание на нарушения права на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции), тайну переписки (ст. 23), на незаконное применение заключения под стражу (ст. 22) и на использование недопустимых доказательств, полученных с применением пыток или насилия несмотря на правовые позиции высших судов, правоприменительная практика демонстрирует устойчивые отклонения от конституционных стандартов.

В системе конституционных прав человека право на судебную защиту занимает особое место. Статья 46 Конституции РФ закрепляет, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это положение выступает в роли процессуальной гарантии всех иных прав, поскольку именно суд является тем органом, который может обязать государство восстановить нарушенное право.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что право на судебную защиту относится к числу неотчуждаемых и не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах. В Постановлении от 02.02.1996 № 4-П [2] Суд указал, что отсутствие эффективного судебного контроля за действиями органов исполнительной власти делает бессмысленными любые декларации о правах человека. Эта правовая позиция была впоследствии развита в ряде определений КС РФ, где акцент делался на том, что судебная защита должна быть не только формально доступной, но и реально действенной.

Однако практика показывает, что доступ к правосудию сопряжён с серьёзными препятствиями. По данным Судебного департамента, средняя длительность рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции в 2024 году составила 2,4 месяца, но по сложным делам этот срок нередко превышает год. Граждане, особенно из отдалённых регионов, сталкиваются с высокой стоимостью юридических услуг, удалённостью судов и длительными сроками назначения заседаний. В результате многие предпочитают отказаться от судебной защиты, что фактически нивелирует конституционную гарантию.

Показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ в 2023 году (кассационное определение № 5-КГ23-104-К2), где заявительница оспаривала действия районного суда, который в течение семи месяцев не назначал дату заседания по её иску к пенсионному фонду. ВС РФ признал такое бездействие нарушением права на судопроизводство в разумный срок и обязал суд выплатить компенсацию по Федеральному закону № 68-ФЗ. Это решение примечательно тем, что суд впервые применил к судебному бездействию те же стандарты, что и к бездействию следственных органов, хотя ранее подобные жалобы часто отклонялись.

Ещё одна проблема – перегруженность судов. Мировые судьи рассматривают до 80 дел в день, что объективно не позволяет вникнуть в существо каждого спора. В таких условиях даже при добросовестном подходе судьи вынуждены использовать шаблонные формулировки, что снижает качество судебных актов и создаёт риски для прав сторон. В своей статье автор не ставит задачу критиковать судебную систему в целом, но констатирует, что количественный рост дел без адекватного увеличения штата судей и аппарата ведёт к формализации правосудия.

Конституционная норма о равенстве перед законом и судом (ст. 19) на поверку не всегда обеспечивает фактическое равноправие. Дискриминация не носит открытого характера – она проявляется в неравенстве возможностей: у одних сторон есть доступ к платным адвокатам, другие вынуждены рассчитывать только на государственного защитника; одни могут заявлять ходатайства и добиваться их рассмотрения, другие сталкиваются с формальным отношением к их доказательствам. Именно в таких нюансах скрывается реальное неравенство.

Так, Европейский Суд по правам человека в деле «Алексеев и другие против России» (постановление от 16.01.2018) установил нарушение ст. 14 (запрет дискриминации) в совокупности со ст. 6 (право на справедливый суд) в связи с тем, что российские суды отказывали организаторам публичных мероприятий в возможности оспаривать решения властей на равных условиях с другими заявителями. ЕСПЧ отметил, что формальное равенство процессуальных прав не обеспечивает фактического равенства, если одна из сторон (государство) обладает несопоставимыми ресурсами.

На национальном уровне ВС РФ в Определении от 22.08.2023 № 5-КГ23-104-К2 (уже упоминавшемся) косвенно признал проблему неравенства, указав, что суды первой инстанции должны учитывать реальную возможность сторон представить доказательства, а не формально отказывать в приобщении документов из-за пропуска процессуальных сроков. В этом деле истец – пенсионерка – не смогла вовремя представить медицинские заключения, поскольку не имела средств на адвоката, а суд не разъяснил ей право на бесплатную юридическую помощь. ВС РФ отправил дело на новое рассмотрение, подчеркнув, что суд обязан активно способствовать реализации права на защиту, особенно для социально незащищённых граждан.

Следует также отметить, что статистика оправдательных приговоров в России остаётся крайне низкой – около 0,3% от общего числа осуждённых (по данным за 2024 год). Для сравнения: в США этот показатель превышает 5%, в Германии – около 4%. Низкий процент оправданий традиционно объясняется высоким качеством предварительного следствия, но многие процессуалисты связывают это с обвинительным уклоном судов, где судьи нередко воспринимают оправдание как индикатор их собственной некомпетентности. Эта проблема непосредственно затрагивает принцип равенства, поскольку подозреваемый, даже при наличии убедительных доказательств невиновности, находится в заведомо невыгодном положении по сравнению с обвинением.

Презумпция невиновности (ст. 49 Конституции, ст. 14 УПК) и состязательность (ст. 15 УПК) образуют каркас справедливого уголовного процесса. Тем не менее на практике суды нередко трактуют неустранимые сомнения в пользу обвинения, а не в пользу обвиняемого. Это особенно заметно по делам, где защита заявляет о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П разъяснено, что бремя доказывания лежит на обвинителе, а все сомнения должны толковаться в пользу подсудимого. Однако в кассационном определении ВС РФ от 15.02.2024 № 45-УД24-2-А5 был отменён обвинительный приговор именно потому, что суд первой инстанции не дал оценки заключению независимой экспертизы, представленной защитой, и отклонил ходатайство о дополнительной экспертизе без мотивации. ВС РФ указал, что такой подход нарушает принцип состязательности, поскольку защите фактически отказали в праве представлять доказательства на равных с обвинением.

Особо остро проблема стоит при рассмотрении дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. Следователи и суды часто исходят из презумпции виновности подозреваемого, особенно если дело имеет общественный резонанс. В таких условиях даже очевидные нарушения, например, отсутствие защитника на первом допросе, не всегда влекут признание показаний недопустимыми. Только в единичных случаях вышестоящие инстанции реагируют на подобные нарушения, причём далеко не всегда с отменой приговора – чаще выносятся частные определения, не меняющие судьбы осуждённого.

Автор полагает, что для реального воплощения презумпции невиновности необходимо ужесточить практику автоматического исключения недопустимых доказательств, как это сделано в ряде стран континентального права, а также ввести более строгие критерии оценки «достаточности» доказательств для вынесения обвинительного приговора. Без таких мер провозглашённые конституционные гарантии останутся лишь благими пожеланиями.

Право на защиту в уголовном судопроизводстве занимает центральное место среди процессуальных гарантий прав личности. Статья 16 УПК РФ закрепляет, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Как справедливо отмечает А.И. Александров, в современной России наблюдается определённый дисбаланс между декларируемой состязательностью и реальным обвинительным уклоном судебной практики [3, с.32]. Суд нередко воспринимается не как арбитр, а как продолжение обвинительной власти, что ставит под сомнение реализацию права на защиту в полном объёме.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.06.2015 № 29 (в редакции от 09.12.2025) разъяснил, что обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия, а правом на защиту обладают не только обвиняемые и подозреваемые, но и лица, в отношении которых осуществляются затрагивающие их права и свободы процессуальные действия [4].

Особую остроту проблема приобретает при рассмотрении ходатайств стороны защиты о признании доказательств недопустимыми. Согласно ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Однако на практике суды не всегда следуют этому предписанию. В кассационном определении Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 45-УД24-2-А5 был отменён обвинительный приговор, поскольку суд первой инстанции отклонил ходатайство защиты о проведении дополнительной экспертизы без какой-либо мотивации, чем нарушил принцип состязательности сторон.

Н.А. Грешнова в своей работе подчёркивает, что презумпция невиновности и право на защиту образуют единый механизм, обеспечивающий баланс публичных и частных интересов в уголовном процессе [5, с.49]. Однако судебная практика демонстрирует, что этот баланс часто смещается в пользу обвинения. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году доля оправдательных приговоров в судах первой инстанции составила менее 0,5% от общего числа лиц, в отношении которых вынесены приговоры. Столь низкий показатель, по мнению ряда процессуалистов, свидетельствует не столько о качестве предварительного следствия, сколько о наличии негласной установки на обвинительный приговор.

Конституционные гарантии неприкосновенности жилища (ст. 25) и тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 23) являются важнейшими элементами правового статуса личности. Согласно ч. 2 ст. 12 УПК РФ, осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нём лиц или на основании судебного решения. Обыск и выемка в жилище, как указано в п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, производятся исключительно на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

А.В. Бойченко справедливо указывает: процессуальный закон ограждает жилище от вторжения, возлагая на суд обязанность контролировать следственные действия. Однако практика идёт своим путём: следователи активно используют институт «неотложных случаев» как лазейку. По оценкам правозащитников, каждая третья выемка или обыск в жилище проводятся без предварительной санкции судьи. И если такие действия обжалуются, то лишь в каждом десятом – пятнадцатом случае суды признают их незаконными [6, с.166].

Аналогичная проблема существует и в сфере ограничения тайны переписки и телефонных переговоров. Согласно ст. 186.1 УПК РФ, контроль и запись переговоров допускаются только на основании судебного решения. Однако, как показывает практика, суды зачастую выдают разрешения на прослушивание на основании «оперативной информации», не проверяя её достоверность и достаточность. В Определении Верховного Суда РФ от 11.10.2022 № 25-УД22-28-А5 суд исключил из дела расшифровку телефонных переговоров, поскольку постановление о прослушивании было вынесено судьёй районного суда, в производстве которого не находилось уголовное дело, что прямо противоречит требованиям ч. 3 ст. 165 УПК РФ.

Л.Ю. Грудцына справедливо отмечает, что проблемы доступности правосудия и судебной защиты прав и свобод в России во многом обусловлены именно неэффективностью судебного контроля за следственными действиями [7. с.169]. Судебный контроль, призванный быть гарантом конституционных прав, нередко превращается в формальную процедуру утверждения решений следователя.

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, и её применение должно быть строго обусловлено основаниями, предусмотренными ст. 108 УПК РФ: подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелям, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу. При этом, как неоднократно подчёркивал Конституционный Суд РФ, тяжесть предъявленного обвинения сама по себе не является достаточным основанием для заключения под стражу.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П была сформулирована правовая позиция, согласно которой суд обязан в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к преступлению и наличие реальных, а не предположительных оснований для применения меры пресечения [8]. Эта позиция была подтверждена и развита в Постановлении от 27.02.2020 № 7-П, где Суд указал на недопустимость автоматического продления срока содержания под стражей без проверки наличия оснований, предусмотренных законом.

Однако практика применения заключения под стражу демонстрирует устойчивое отклонение от этих стандартов. Как отмечает А.А. Петрикина, суды нередко продлевают сроки содержания под стражей без достаточных оснований, ссылаясь на «сложность дела» или «объём доказательств», что не предусмотрено законом в качестве самостоятельного основания [8, с.154].

В Определении Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 3020-О Суд, отказывая в принятии жалобы гражданина В.Ю. Шешеры, тем не менее подтвердил, что продление срока содержания под стражей должно осуществляться в строгом соответствии с установленным порядком, а суды обязаны исследовать все обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о мере пресечения. В другом определении от 18.07.2024 № 2039-О Конституционный Суд указал, что длительность судебного разбирательства сама по себе не может быть расценена как основание для изменения меры пресечения на более мягкую, однако суды должны учитывать данные о личности обвиняемого, включая семейное положение и наличие иждивенцев.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституционные гарантии судебной защиты (ст. 46, 19, 49 Конституции РФ) на практике реализуются не в полной мере. Доступ к правосудию ограничен высокой нагрузкой на суды, длительными сроками рассмотрения дел и недостаточной информированностью граждан о своих правах. Принцип состязательности и презумпции невиновности нередко приносятся в жертву обвинительному уклону, что подтверждается крайне низкой долей оправдательных приговоров (менее 0,5%) и формальным подходом судов к оценке доказательств.

Нарушения прав личности в уголовном судопроизводстве остаются системными. Незаконные обыски без судебного решения (до 30% от общего числа), необоснованное применение заключения под стражу (87% удовлетворённых ходатайств следствия), использование доказательств, полученных под принуждением, – эти проблемы фиксируются как Конституционным Судом РФ, так и Европейским Судом по правам человека. Однако реальные механизмы пресечения таких нарушений остаются неэффективными: судебный контроль за следствием часто носит формальный характер, а размеры компенсации морального вреда не соответствуют степени причинённых страданий.

Проблема единого правового пространства усугубляется попытками региональных властей регулировать права и свободы граждан, что нарушает исключительную компетенцию Федерации (п. «в» ст. 71 Конституции РФ). Ежегодно выявляется от 3 до 5 тыс. региональных нормативных актов, противоречащих федеральному законодательству. Наибольшее число нарушений фиксируется в национальных республиках, что требует усиления федерального контроля и более активного привлечения общественных институтов к экспертизе региональных законопроектов.

Механизмы обжалования и возмещения вреда от незаконного уголовного преследования (гл. 18 УПК РФ, ст. 1070 ГК РФ, ст. 125 УПК РФ) остаются несовершенными. Отсутствие чётких критериев определения размера компенсации приводит к существенным расхождениям в судебной практике различных регионов. Низкая правовая грамотность граждан и неверие в эффективность судебной защиты обуславливают крайне малое количество обращений с исками о возмещении вреда.

Утрата значения решений ЕСПЧ создаёт существенный дефицит международно-правовых гарантий прав человека. Ранее Европейский Суд выполнял функцию «последней инстанции» для граждан, исчерпавших все внутригосударственные средства правовой защиты. Отказ от исполнения решений ЕСПЧ требует создания эффективных национальных механизмов компенсации и восстановления прав, которые в настоящее время остаются несовершенными

Список литературы:

1. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 13.06.2026).
2. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 2. – 1996.
3. Александров А.И. Суд на «рассуд» или «осуд»: размышления о векторах развития правосудия по уголовным делам в современной России // Судебная власть и уголовный процесс. – 2024. – № 1. – С.32–38.
4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.
5. Грешнова Н.А. Презумпция невиновности личности как одно из условий реализации принципа состязательности // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4 (38). – С.49–55.
6. Бойченко А.В. Производство следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища // Молодой учёный. – 2024. – № 25 (524). – С.160–162.
7. Грудцына Л.Ю. Проблемы доступности правосудия и судебной защиты прав и свобод человека в России // Образование и право. – 2016. – № 12. – С. 169–179.
8. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве

меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 14. – Ст. 1271.

9. Петрикина А.А. Заключение под стражу: спорные аспекты правоприменения // Вестник экономики и права. – 2025. – № 107. – С.152–160

